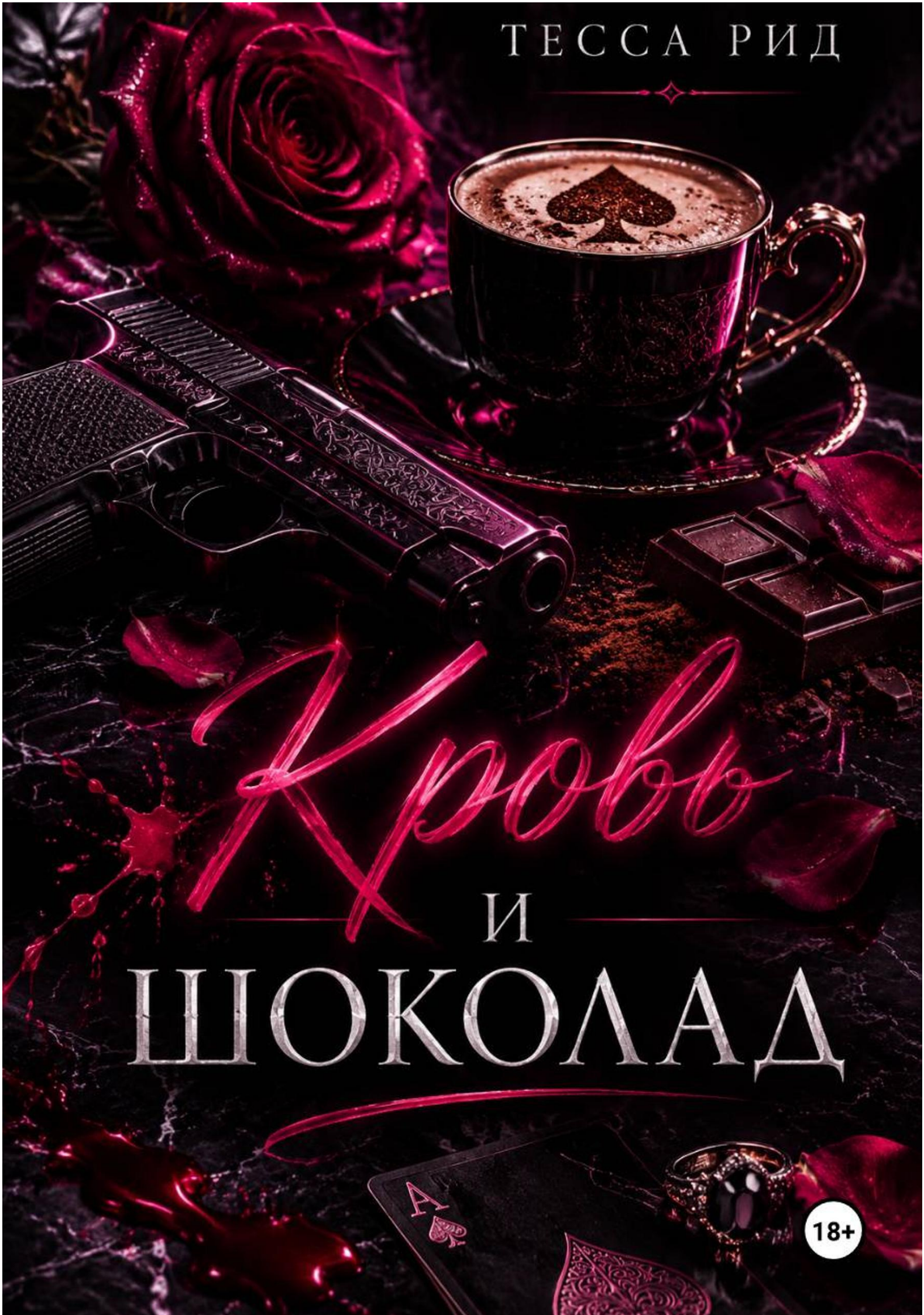

ТЕССА РИД
Кровь
и
ШОКОЛАД
18+

Тесса Рид

Кровь и шоколад

«Автор»
2026

Рид Т.

Кровь и шоколад / Т. Рид — «Автор», 2026

Сандра Николетти с детства знает: слабость опаснее пули. Дочь дона и наследница мафиозной семьи, она умеет держать оружие, исполнять приказы и никому не доверять. Скоро ей предстоит занять место отца, если враги не отнимут у неё власть раньше.Том — бариста из кофейни «Горький шоколад». Он шутит про латте-арт, спасает пауков и совсем не похож на людей из мира Сандры. Рядом с ним она впервые за много лет смеётся. А потом Том становится свидетелем убийства.Сандра должна заставить его молчать. Но вместо угроз рассказывает правду и обнаруживает, что Том не собирается бежать. Между ними возникает чувство, которому нет места в ее опасном мире. Ведь теперь враги знают: у наследницы Николетти есть слабое место.Когда предают самые близкие, Сандре придется решить, кем она станет: послушной дочерью, безжалостной донной или женщиной, которая сама выбирает, за что бороться.В мире, где доверие может стоить жизни, любовь — самый опасный выбор.

© Рид Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Черный кофе без сахара 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Тесса Рид
Кровь и шоколад

Глава 1. Черный кофе без сахара

Дождь в этом городе никогда не бывает просто дождем. Он всегда что-то смывает: грязь, усталость, слезы или… кровь.

Сандра стояла на пожарной лестнице заброшенного склада в районе доков, и капли крови стекали по лезвию ножа в ее руке. Человек, которого еще пятнадцать минут назад звали Энцо Феррaро, теперь был просто телом, которое нужно было переместить в багажник, и проблемой, которую нужно было решить до рассвета.

Он предал семью за тридцать тысяч долларов и обещание защиты от федералов. Слил агентам маршрут перевозки партии оружия через порт — той самой партии, которая должна была пройти через три штата и укрепить позиции Николетти на всем восточном побережье. Он думал, что его маленькая сделка с ФБР останется тайной, но не учел одного: у Дона Витторио Николетти есть уши там, где их не должно быть, и дочь, которая умеет делать то, на что не способны его подручные — быть беспощадной без колебаний.

— Ты ведь понимаешь, что дело не в деньгах, — сказала она тогда, двадцать минут назад, глядя ему в глаза, пока он скулил на коленях среди ржавых контейнеров. — Ты предал клан и поставил галочку напротив моей фамилии в списке федералов. Ты сделал меня мишенью, Энцо. А я этого простить не могу.

Он пытался что-то сказать — что-то про жену, про долги, про то, что его заставили. Сандра пропустила это мимо ушей. Она давно поняла: оправдания — это просто шум, который люди издают перед тем, как замолчать навсегда.

Нож вошел точно, профессионально, без лишней жестокости — ее учили, что жестокость непродуктивна и лишь вызывает ненужные эмоции. И сейчас она действительно не чувствовала ничего: ни отвращения, ни удовлетворения. Только легкую усталость, как после долгого рабочего дня, потому что, по сути, это и был рабочий день.

Сандра выдохнула. Отец и Марко будут ей гордиться. Она снова защитила честь семьи. Руки мелко дрожали, когда она вытирала их влажными салфетками.

Ей было двадцать четыре года. Через несколько месяцев она официально станет главой одной из самых могущественных преступных семей страны. У нее были деньги, власть, красота, уважение — все, о чем только можно мечтать.

Но не было ни единого человека, которому она могла бы позвонить прямо сейчас и просто сказать: «Мне нужно, чтобы кто-то посидел рядом, пока я не перестану видеть его лицо, когда закрываю глаза».

Водитель, Паоло, молча ждал инструкций.

— Домой пока не надо, — сказала она тихо. — Высади меня через пару кварталов. Я хочу пройтись.

— Мисс Николетти, это не самый безопасный…

— Паоло. — Она произнесла его имя с интонацией, которая в их семье значила «разговор окончен». — Мне нужно побыть одной.

Он не стал спорить. Никто никогда с ней не спорил.

Дождь к тому моменту превратился в мелкую морось — тот типичный ноябрьский туман, который делает уличные фонари похожими на размытые акварельные пятна. Сандра шла, не разбирая дороги, в своем черном пальто, которое стоило дороже, чем вся квартира, которую

она только что покинула, и которое — вот ирония — отлично скрывало пятнышко крови на манжете рубашки.

И тут она увидела вывеску.

«Горький шоколад» — гласили неоновые буквы кофейни на углу, выведенные немного кривовато, будто кто-то рисовал их от руки, а не заказывал у профессионального дизайнера. Витрина светилась теплым желтым светом, окна были слегка запотевшими от разницы температур внутри и снаружи. На стекле красовался нарисованный мелом кот, пьющий кофе из чашки размером с него самого, с подписью: «Понедельники — отстой. Мы понимаем».

Сандра усмехнулась про себя, сама не зная почему. Может, потому что контраст был слишком абсурдным: пятнадцать минут назад она перерезала горло предателю, а теперь стоит и смотрит на рисунок кота и нелепую надпись.

Когда она вошла, над дверью звякнул колокольчик.

Внутри пахло жареными кофейными зернами, корицей и свежей выпечкой. Негромко играла какая-то старая джазовая пластинка, из тех, что нравятся людям, которые еще помнят, каково это — никуда не спешить. За стойкой стоял парень примерно ее возраста, с взъерошенными темными волосами, в фартуке, испачканном мукой, и с таким искренне счастливым выражением лица, будто весь смысл его существования заключался именно в этом моменте — в том, чтобы кто-то зашел выпить кофе в дождливый вечер.

— Добро пожаловать в «Горький шоколад»! — объявил он с энтузиазмом, который показался Сандре почти неприличным для девяти часов вечера в понедельник. — Меня зовут Том, и сегодня я официально объявляю себя вашим личным гидом по миру кофеина. Что будете пить?

Сандра окинула его быстрым оценивающим взглядом — профессиональная привычка, от которой она не могла избавиться даже здесь. Рост примерно метр восемьдесят, спортивное телосложение, но не угрожающее, скорее результат беготни по кухне, а не тренажерного зала. Ни оружия под фартуком, ни настороженности в глазах, ни малейшего намека на то, что он хоть что-то заподозрил в женщине, которая только что вошла с улицы с идеально холодным выражением лица.

Обычный. Безопасный. Невинный.

— Черный кофе, — сказала она коротко. — Без сахара.

Том замер, прижав ладонь к груди с таким видом, будто она только что сообщила ему смертельный диагноз.

— Без сахара? Серьезно? В такой вечер? — Он покачал головой с притворным сочувствием. — Леди, вы хоть понимаете, что просите меня налить вам в чашку чистое разочарование?

— Я просила кофе, а не терапию, — ответила Сандра, усаживаясь на высокий стул у стойки. Голос прозвучал холоднее, чем она планировала, но парень, казалось, этого даже не заметил или намеренно пропустил мимо ушей.

— Окей, уважаю ваш выбор. — Он уже крутился у кофемашины, двигаясь с той ловкостью, которая приходит только после многих лет практики. — Но предупреждаю: если вы передумаете на середине чашки и захотите карамельный сироп, я расценю это как личную победу.

— Не передумаю.

— Все так говорят. — Он подмигнул ей через плечо, и Сандра неожиданно для себя отметила, что у него очень располагающая улыбка: не хищная или расчетливая, какие она привыкла видеть у мужчин ее круга, а простая, почти детская в своей открытости.

Кофемашина зашипела, выпуская пар. Том насыпал зерна, утрамбовал их темпером с профессиональной точностью, запустил экстракцию, и все это время не переставал говорить.

— Знаете, кстати, в чем ирония моей профессии? Я тут целыми днями рисую сердечки и листочки на капучино для людей, которые обычно слишком заняты, чтобы хотя бы посмотреть

на них перед тем, как выпить залпом по дороге на работу. Это как рисовать картины на льду в июле.

— Тогда зачем вы это делаете? — спросила Сандра, сама удивившись, что задала вопрос. Обычно она не вступала в разговоры с посторонними дольше, чем того требовала необходимость.

Том на секунду задумался.

— Наверное, потому что кто-то все-таки замечает. Иногда. И этого хватает. — Он пожал плечами с обезоруживающей простотой. — Честно говоря, мне просто нравится создавать что-то красивое из того, что иначе было бы просто черной горькой жидкостью. Даже если это длится всего пару секунд, прежде чем кто-то сделает первый глоток.

Сандра промолчала. Что-то в этой фразе зацепило ее сильнее, чем следовало бы — отозвалось где-то в груди тупой, непонятной болью. Она потратила весь вечер, уничтожая то, что разрушало порядок в ее мире. А этот парень тратил свои дни, создавая красоту из того, что иначе было бы просто функциональным.

— Вот, прошу. — Том поставил перед ней чашку черного кофе. — Горький, как вы и просили. Но учтите: я буду грустить всю смену, думая, что мог бы сделать вас чуточку счастливее с помощью карамели.

— Как-нибудь переживу, — сухо ответила Сандра, поднимая чашку.

— А я нет, — трагично вздохнул Том, прижимая руку ко лбу театральным жестом. — Моя профессиональная гордость будет страдать весь вечер. Возможно, мне придется уйти на больничный по эмоциональным причинам.

Сандра невольно приподняла бровь, сделав первый глоток. Кофе был хорош: крепкий, с легкой ноткой горечи, которая не нуждалась ни в каком смягчении. Именно так, как она любила.

— Вы всегда так много разговариваете с клиентами? — спросила она, пытаясь скрыть за сухостью тона легкое удивление от того, насколько мягко звучит ее голос в этом разговоре.

— Только с интересными. — Том оперся локтями о стойку, глядя на нее с откровенным любопытством. — А вы, кажется, именно такая. Пришли в девять вечера в дождь, заказали кофе без единого грамма удовольствия, и у вас такое лицо, будто вы только что вышли с деловых переговоров, которые закончились не в вашу пользу.

Сандра напряглась. «Переговоры, которые закончились не в мою пользу». Если бы он только знал, что именно закончилось сегодня вечером не в чью-то пользу, и насколько буквально. Но его глаза смотрели без тени подозрения, просто с искренним, почти наивным интересом человека, привыкшего разгадывать настроение незнакомцев по мелким деталям, не вкладывая в это ничего зловещего.

— Что-то в этом роде, — ответила она уклончиво.

— Хотите, подниму вам настроение? У меня в арсенале есть коронный номер.

— Сомневаюсь, что это возможно, — сказала Сандра с тенью усмешки, — но попробуйте, раз уж так настаиваете.

Том торжественно поднял указательный палец, развернулся к кофемашине и начал готовить еще одну порцию, на этот раз, судя по движениям, капучино.

— Сейчас я продемонстрирую вам искусство латте-арта в его высшей форме, — объявил он с преувеличенной серьезностью телеведущего. — Обычно люди рисуют сердечки. Это банально и скучно. У меня есть кое-что получше.

Он взял молочник и начал аккуратно взбивать молоко, явно гордясь плавностью движений. Повернувшись, чтобы эффектно продемонстрировать результат, он зацепил локтем край стойки.

Молочник качнулся. Белая пенка с частью горячего капучино плеснула вперед — прямо на черное пальто Сандры и рукав ее рубашки. Туда, где, по иронии судьбы, под тканью скрывалось маленькое, едва заметное бурое пятно, о котором Том понятия не имел.

На долю секунды в кофейне повисла звенящая тишина.

Том замер с молочником в руке, глаза его расширились в неподдельном ужасе.

— О нет! Нет, нет, нет, — забормотал он, хватая первую попавшуюся салфетку и бросаясь к ней через стойку. — Мне так жаль, я клянусь, я обычно не такой неуклюжий, просто иногда руки живут отдельной жизнью от остального тела. Я заплачу вам за химчистку, честное слово, просто скажите сумму и…

Сандра смотрела на расплывающееся на дорогой ткани пятно, на капли, стекающие по рукаву, на собственную ладонь, которую она автоматически выставила вперед, будто это могло что-то изменить… И внутри нее что-то странно дрогнуло.

Любой другой человек в ее мире поплатился бы минимум сломанными пальцами за подобную неуклюжесть. Она видела, как отец избивал охранника за то, что тот случайно опрокинул бокал вина на скатерть во время важного ужина. Она сама однажды уволила водителя за то, что тот испачкал ее туфли грязью с дороги.

А сейчас перед ней стоял взрослый мужчина, искренне, почти до слез переживающий из-за пятна капучино на чужом пальто и суетливо вытирающий ее рукав салфеткой с таким отчаянием, будто совершил преступление века.

И это было настолько абсурдно — настолько далеко от всего, что составляло ее привычную реальность, что Сандра почувствовала, как где-то в груди начинает подниматься что-то совершенно незнакомое. Сначала легкая дрожь. Потом — короткий, почти судорожный вдох.

А потом она рассмеялась.

По-настоящему. Искренне. Так, как не смеялась, кажется, целую вечность, с самого детства, которое она почти не помнила. С тех времен, когда смех еще не нужно было контролировать и просчитывать.

Том замер. Салфетка повисла в воздухе, а он смотрел на нее с совершенно ошарашенным выражением лица.

— Простите… я не… — Он растерянно моргнул. — Это что, нервный смех? Инсульт? Вы в порядке? Мне вызвать скорую?

— Нет, — выдохнула Сандра, вытирая выступившие от смеха слезы, все еще не до конца веря, что это звук исходит именно от нее. — Нет, все… все нормально. Просто это было… — Она покачала головой, не находя подходящих слов. — Это было очень глупо. И очень смешно.

— Ну, спасибо. — Том медленно опустил салфетку, на его лице расцвела неуверенная, но явно довольная улыбка, будто он только что выиграл в лотерею, сам не до конца понимая правил игры. — Кажется, впервые облитый капучино человек реагирует именно так.

— Считайте это редким исключением. — Сандра попыталась вернуть на лицо маску спокойствия. Но что-то в этот раз получалось хуже обычного, будто улыбка приклеилась и не желала стираться так же легко, как раньше.

— Знаете что, — сказал Том, явно воодушевленный ее реакцией, — раз уж я испортил ваше пальто, следующий кофе за счет заведения. Обещаю в этот раз держать молочник крепче.

— Не думаю, что это хорошая идея. — Сандра покосилась на свое испорченное пальто. — Моей химчистке сегодня и так придется нелегко.

— Тогда просто еще один черный кофе. Без рисунков. Без сахара. Без риска для вашей одежды. — Том поднял руки в жесте капитуляции. — Самый скучный, самый безопасный кофе в мире.

Сандра посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Где-то глубоко внутри сработал привычный инстинкт. Тот самый, что учил ее никогда и никому не доверять, искать скрытый мотив в каждой улыбке и подозревать ловушку за каждой случайностью.

Но сейчас, впервые за очень долгое время, этот инстинкт молчал. Потому что в глазах парня по имени Том не было ничего, кроме искреннего желания немного исправить момент неловкости и, кажется, легкого, совершенно безобидного любопытства к симпатичной девушке.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Еще один.

— Договорились, — просиял Том, разворачиваясь обратно к кофемашине с видом человека, который только что получил второй шанс и не собирается его упускать.

Именно в этот момент в кармане ее пальто завибрировал телефон.

Сандра напряглась мгновенно — так же естественно, как дышала. Этот номер знал только один человек на свете, и он никогда не звонил просто так, тем более так поздно.

Марко.

Она отвернулась от стойки, прижала телефон к уху, понизив голос:

— Что случилось?

Том, не слышал слов, но уловив резкую перемену в ее позе. Его плечи напряглись, спина выпрямилась, вся легкость, которая была в нем секунду назад, испарилась без следа. Он замер с молочником в руке, озадаченно глядя на нее.

Голос Марко на другом конце звучал непривычно натянуто, без обычной уверенности наставника, который всегда знает, что делать.

— Сандра, у нас проблема. Тело Энцо нашли раньше, чем должны были. Кто-то вызвал полицию до того, как наши люди успели подъехать для зачистки.

Кровь в жилах Сандры похолодела.

— Это невозможно. Там никого не было поблизости.

— Был. — Голос Марко стал жестче. — Камера с соседнего склада, о которой мы не знали. И, судя по всему, запись увидела не только полиция.

Сандра крепче сжала телефон.

— Кто еще?

Пауза на другом конце длилась на секунду дольше, чем следовало — та самая пауза, которую Сандра за годы рядом с Марко научилась распознавать безошибочно: пауза перед тем, как сказать что-то, чего говорить не хочется.

— Люди Де Луки, — произнес он наконец. — Запись уже у Дарио. И, Сандра… он не просто видел, как ты это сделала.

— А что еще?

— Он знает, где ты сейчас находишься.

Телефон в ее руке будто налился свинцом. Сандра медленно обернулась к окну кофейни — туда, где сквозь мокрое от дождя стекло витрины смутно виднелась пустая улица, фонари, мерцающие в тумане, и… темный силуэт автомобиля, застывшего у обочины напротив с выключенными фарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.